

Конни Уиллис

Конни Уиллис

НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
У36

Серия «Фантастика!»
Connie Willis
TO SAY NOTHING OF THE DOG

Перевод с английского *М. Десятовой*

Художник *В. Лебедева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Уиллис, Конни.

У36 Не считая собаки : [роман] / Конни Уиллис ; [пер. с англ. М. Десятовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 576 с. — (Фантастика!).

ISBN 978-5-17-065220-4

Конни Уиллис — знаменитая американская писательница, собравшая рекордный урожай премий: 11 «Хьюго», 8 «Небьюла», 12 «Локусов», 5 — от читателей журнала «Азимов»...

Наиболее ярко талант Уиллис раскрылся в «Оксфордском цикле», где речь идет о рабочих буднях сотрудников Института времени, из своего XXI столетия совершающих путешествия в прошлые века с целью наиболее точного реконструирования событий прошлого. Роман «Не считая собаки», не являясь прямым сюжетным продолжением знаменитой «Книги Страшного суда», рассказывает о тех же отважных путешественниках во времени, на сей раз очутившихся в 1888 году — на исходе славной Викторианской эпохи.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Connie Willis, 1998
Школа перевода В. Баканова, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-065220-4

...безобидной и полезной кошки...

Уильям Шекспир

Бог кроется в мелочах.

Гюстав Флобер

*Посвящается Роберту Хайнлайну,
чей «Будет скафандр — будут
и путешествия» познакомил меня
с «Троицы в лодке, не считая собаки»
Джерома К. Джерома.*

Светлой памяти Лорены и Берти

«Было бы здорово начать с чистого листа, без этих страшных старых развалин», — сказала она.
«Это же символ, дорогая», — возразил он.

Молли Пантер-Даунс

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Поисковый отряд — Уставная экипировка — Семейственность как проблема — Королевские головные уборы — Отсутствие епископского птичьего пенька — Барахолки — Где он может быть? — Астрономические наблюдения — Собаки — Кошка — Лучший друг человека — Внезапное отбытие

Нас было пятеро — Каррадерс, новичок и я, а еще Спивенс и причетник. Под вечер пятнадцатого ноября мы обыскивали развалины Ковентрийского собора в поисках епископского птичьего пенька.

Я по крайней мере обыскивал. Мистер Спивенс копался у лестницы на колокольню, новичок, разинув рот, глазел на выбитые взрывом витражи, а Каррадерс убеждал причетника, что мы из Вспомогательной пожарной службы.

— Вот это наш командир отряда, лейтенант Нед Генри, — показывал он на меня, — а я командер Каррадерс, постовой.

— Какой пост? — сощурился причетник.

— Тридцать шестой, — наобум назвал Каррадерс.

— А этот? — спросил причетник, показывая на новичка, который озадаченно вертел в руках карманный фонарик. Такого и в ополчение бы не взяли, куда там ВПС.

— Зять мой, — не растерялся Каррадерс. — Эгберт.

Причетник кивнул понимающе.

— Вот и меня жена уговаривала ее братца в пожарную охрану устроить. Этот олух по кухне пройдет — двадцать раз о кота споткнется, куда ему зажигалки тушить? А она мне, дескать, работа нужна. А я ей: на Гитлера пусть работает!

Я оставил их беседовать и двинулся вдоль остатков центрального неффа. Времени терять нельзя. Мы и так опоздали, в дыму и пыли ни зги не видно, словно в густых сумерках, хотя на часах только начало пятого.

Мистер Спивенс, не глядя по сторонам, настойчиво рылся в груде обломков у лестницы; новичок, уставившись на него, бросил терзать фонарик. Я отделил мысленной чертой бывший северный нефф и взял курс на дальний его конец.

Раньше епископский пенек помещался на кованой подставке перед оградой Кузнечной капеллы. Я пробирался между завалами, пытаюсь сориентироваться на ходу. От собора остались только наружные стены и красавица колокольня с остроконечным шпилем; все прочее — крыша, сводчатый потолок, клересторий, колонны — превратилось в гору закопченного щебня.

«Так, — рассуждал я, балансируя на упавшем стропиле, — здесь была апсида, а там — капелла Мануфактурщиков». Утверждать наверняка я не мог, единственной приметой служили выбитые витражи, все каменные арки капелл рухнули, осталась лишь прорезанная стрельчатыми окнами внешняя стена.

«А здесь капелла Святого Лаврентия», — сообразил я, перебираясь на четвереньках через вал из щебня и обугленных балок, достигающий в этом месте метров полутора и к тому же скользкий. Моросивший весь день дождь превратил пепел в грязную кашу, а свинцовые пластины кровли — в настоящий каток.

Капелла ремесленников. Тогда вот эта — Кузнечная. И никаких следов ограды. Прикинув приблизительно, на каком расстоянии она могла находиться от окна, я принялся копать.

Под месивом из каменных обломков и покореженной металлической арматуры епископского пенька не обнаружилось — ограды тоже. Судя по расщепленной

доске генофлектория — подставки для коленопреклонения — и остаткам скамьи, я еще где-то в центральном нефе.

Выпрямившись, я попытался сориентироваться заново. Поразительно, как меняется ощущение пространства в разрушенном здании... Я опять опустился на колени лицом к хору и стал высматривать основания колонн северного нефа, чтобы по ним определить границы, но все они были безнадежно погребены под щебнем.

Надо найти остатки капелльной арки и от нее уже плясать. Оглянувшись на уцелевшую внешнюю стену Капеллы ременщиков, я отмерил примерное расстояние от окон и начал копать — на этот раз отыскивая цоколь поддерживающей арку колонны.

От него осталось всего сантиметров пятнадцать. Расчистив слегка вокруг, я повторно прикинул, где в таком случае находилась ограда, и приступил к раскопкам.

Мимо. Под иззубренным куском деревянного потолка обнаружилась огромная мраморная плита с трещиной посередине. Алтарь. Значит, теперь я, наоборот, зашел слишком далеко в глубь капеллы. Оглянувшись на новичка, который все еще наблюдал за Спивенсом, я отсчитал десять шагов и наметил новую точку для раскопок.

— Но мы действительно из ВПС, — донесся до меня голос Каррадерса.

— Точно? — сомневался причетник. — Что-то спецовки у вас больно странные, я таких у вэпээсников не помню.

И неудивительно. Наша «форма» годилась только для воздушных налетов, когда никто не будет приглядываться и уже по одному шлему понятно — человек при исполнении. Ну еще для глухой ночи. А днем дело плохо. На шлеме Каррадерса — эмблема инженерных войск, на моем — нанесенная по трафарету аббревиатура гражданской ПВО, а у новичка шлем вообще не с этой войны.

— Уставные уничтожило фугасом, — нашелся Каррадерс.

— Где же тогда вас, пожарных, носило ночью, когда все полыхало?

В точку. Именно этим вопросом меня наверняка огорошит леди Шрапнелл по возвращении. «Что зна-

чит — вы попали в пятнадцатое ноября? Это целый день опоздания!»

Вот поэтому я лазил теперь по дымящимся балкам, обжигался о расплавленный свинец, накапавший ночью с крыши, и дышал гарью, вместо того чтобы доложить об исполнении.

Баюкая обожженный палец, я отогнул кусок арматурины и занялся грудой кровельных пластин и обугленных балок. Тут же порезал об острый металлический край все тот же злосчастный палец и, чертыхнувшись, сунул его в рот.

Каррадерс и причетник по-прежнему топтались на месте.

— Первый раз слышу про тридцать шестой пост, — недоверчиво хмыкнул причетник. — Их в Ковентри всего семнадцать.

— Мы из Лондона. Спецотряд, выслали на подмогу.

— И как же вы проехали? — Причетник воинственно схватился за лопату. — Дороги перекрыты.

Кажется, пора вводить подкрепление.

— Мы в объезд, через Рэдфорд. — Причетник там как пить дать ни разу не был. — Водитель молочного грузовика добросил.

— Так там тоже кордоны вроде, — не выпуская лопату, с сомнением протянул причетник.

— У нас пропуска, — ввернул Каррадерс.

Зря. Сейчас попросит их предъявить.

— Нас послала ее величество, — пресек я дальнейшие расспросы.

Сработало. Причетник вытянулся во фронт, сорвав с себя каску и сделав лопатой на караул.

— Ее величество?

Я прижал свой шлем гражданской ПВО к сердцу.

— Сказала, что не сможет смотреть коventрийцам в глаза, если не отправит подмогу. «Ах, этот красавец собор... — вздохнула она. — Немедленно выдвигайтесь в Ковентри и помогите чем сможете».

— Да, она такая. — Причетник благоговейно склонил лысую голову. — Она такая. «Красавец собор...»

12 Очень на нее похоже.

Я многозначительно кивнул, подмигнул Каррадерсу и вернулся к своим раскопкам. Под пластинами крыши показались остатки обрушившейся арки, клубок проводов и треснувшая мемориальная доска с надписью: «Покойтесь с ми...» Пожелание, как видно, не сбылось.

Я расчистил примерно метровый пятачок вокруг колонны. Безрезультатно. Тогда я переполз через груды каменного крошева, выскивая другие обломки этой колонны, и снова приступил к делу.

Ко мне подошел Каррадерс.

— Причетник расспрашивает про королеву — как выглядела, во что одета? Я сказал, что она была в шляпе. Правильно же, да? Вечно забываю, кто из них носил шляпы.

— Все носили. Кроме Виктории. У той был кружевной чепец. И Камиллы. Но та совсем недолго на троне посидела. Скажи, что ее величество спасла из Букингемского дворца Библию королевы Виктории. Вынесла, когда бомбили, прижимая к груди, как младенца.

— Что, правда?

— Нет. Но тогда у него отпадет вопрос, почему на тебе саперный шлем, и, может, нахлынут воспоминания о том, что спасли ночью из собора.

Каррадерс выудил из кармана спецовки клочок бумаги.

— «Спасенные настоятелем Говардом и пожарными алтарные подсвечники и крест из Кузнечной капеллы были доставлены в полицейский участок. Кроме них, из огня вынесли серебряный дискос с потиром, деревянное распятие, серебряную просфорницу, Послания апостолов, Евангелие и полковое знамя седьмого батальона Королевского Уорвикширского полка», — зачитал он.

Тот же перечень значился в рассказе настоятеля Говарда о воздушном налете.

— А епископский пенек не упоминается, — подхватил я, обводя взглядом груды щебня. — Значит, он где-то здесь.

— Пока не нашел?

— Нет. Может, кто-то нас опередил и откопал его раньше?

— Из наших некому, — покачал головой Каррадерс. — Дейвис и Питерс мимо года и то промахива-

лись. Я сам пробился с четвертой попытки. В первый раз угодил в девятнадцатое. Второй — в середину декабря. На третий все тютелька в тютельку — месяц, день, десять минут до начала налета. Только не в Ковентри, а посреди сморчкового поля на поддороге к Бирмингему.

— Сморчкового? — переспросил я. Наверное, ослышался. Сморчки разве на полях выращивают?

— Кабачкового! — рявкнул Каррадерс. — Овощи такие. И ничего смешного. Фермерша приняла меня за немецкого парашютиста и заперла в амбаре. Чего мне стоило выбраться, словами не рассказать.

— А новичок?

— Он перебросился прямо передо мной. Мыкался туда-сюда по Уорвикской дороге, не зная, куда податься. Если бы не я, свалился бы во взрывную воронку.

Невелика потеря, если честно. Новичок отвлекся наконец от Спивенса и по второму разу принялся терзать фонарик.

— Мы сюда два часа добирались, — закончил Каррадерс. — А ты, Нед? У тебя сколько попыток ушло?

— Одна. Меня сняли с барахол, когда вы начали промахиваться.

— Каких еще барахол?

— Леди Шрапнелл посетила свежая мысль, что пенек могли продать на устроенной собором благотворительной ярмарке — сбор средств для фронта и все такое. Или отдать в металлолом. Так что мне полагалось планомерно обойти все церковные и районные барахолки начиная с сентября. Ты, кстати, не знаешь, случаем, для чего нужны перочистки?

— Без понятия.

— Вот и я тоже. Семь штук уже купил. Два георгина, розу, котенка, ежа и два британских флага. Что-то ведь нужно покупать, а поскольку сеть ничего из трофеев обратно не пропустит, приходится незаметно подкладывать их на прилавок с галантереей. Перочистки хотя бы маленькие. Кроме розы. Эта была размером чуть не с футбольный мяч, бесчисленные слои ярко-розового фетра с бледной каймой. Ума не приложу, зачем они нужны — про-

давать на барахолках? Куда ни плюнь, везде они — и на ярмарке в пользу эвакуированных детей, и на продаже выпечки для Противоголодного фонда гражданской ПВО, и на Дне благотворительности Святоаннинского...

— Нед, — осторожно поинтересовался Каррадерс, — сколько раз ты перебрался за эту неделю?

— Десять, — подсчитал я. — Нет, двенадцать. Ярмарка осеннего урожая в Троицкой церкви, благотворительный базар женских курсов под лозунгом «Все для победы!», благотворительное чаепитие со сбором средств на «спитфайеры». А, и еще епископские жены. Тринадцать. Нет, двенадцать. К миссис Биттнер я не перебрской добирался.

— Миссис Биттнер? Жена последнего коventрийского епископа?

Я кивнул:

— Она еще жива. И по-прежнему обитает в Ковентри. Леди Шрапнелл отправила меня с ней побеседовать.

— И что она может знать про старый собор? Ее на момент пожара еще и на свете не было.

— Леди Шрапнелл кажется, что епископский пенек, если он не погиб в огне, могли засунуть куда-нибудь в кладовую в новом соборе. Поэтому она послала меня опрашивать епископских жен. Цитирую: «Мужчины понятия не имеют, где что лежит».

Каррадерс сочувственно покачал головой.

— И как, жены помогли?

— Они о нем даже не слышали, кроме миссис Биттнер. Но та сказала, что среди вещей, которые они паковали перед продажей нового собора, пенька не было.

— Так это же хорошо! — воодушевился Каррадерс. — Если он сейчас не найдется, значит, его просто не было тут во время налета, и можно передать леди Шрапнелл, что делать копию для церемонии освящения собора не нужно.

— Сам и передай, — не удержался я.

— Может, его вынесли заранее, чтобы не разбился? — предположил Каррадерс. — Как восточные окна.

— Это пенек-то? — переспросил я недоверчиво. — Шутить?